

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

“ЗВАТЬ МЕНЯ КУЗНЕЦОВ. Я ОДИН...”

Теперь уже невозможно отделаться от ощущения, что с поэтами-ровесниками, даже если ты не знаком с ними, ты прожил рядом, бок о бок, всю свою жизнь. Так, во всяком случае, я воспринимал Юрия Кузнецова. Была возможность познакомиться с ним, когда он, работая в издательстве “Современник”, приезжал в Бурятию, но и не познакомившись, я не жалел об этом. Все равно в ежедневных разговорах со своими друзьями-поэтами часто слышал его имя: “Юра взял мои подстроичики”, “Кузнецов перевёл несколько моих стихотворений”, — и этот дальний собрат казался мне лично знакомым.

А в Иркутске, куда я перебрался на рубеже девяностых и где был избран руководителем писательской организации, ни один добрый гость, поэт или прозаик, не мог обойти стороной нашего Дома литераторов. В девяносто четвертом радением В. Распутина поначалу в городе, потом и в области стал проводиться праздник русской духовности и культуры “Сияние России”. Какие только знаменитости отечественного искусства не побывали у нас за эти годы! И на первый ли, на второй ли сбор Валентин Григорьевич пригласил Юрия Кузнецова. А потом ещё и ещё раз. Его выступления с любой компанией писателей, философов, православных подвижников в студенческих аудиториях, в залах крупных библиотек, сельских домов культуры, научных институтов всегда были и нетерпеливо ожидаемыми, и сердечно принимаемыми, хотя говорил он без лирических завитушек, а стихи читал без эстрадных ужимок и отрепетированных жестов. И так как не раз приходилось входить в эти самые залы вместе с Юрием Поликарповичем, многие писатели-иркутяне были с ним на “ты”. И я в том числе.

Прибавило свободы моим с ним отношениям ещё одно общее дело: я начал вести в Иркутске творческий семинар студентов-заочников Литературного института им. Горького, часто навещался в Москву и не раз бывал на занятиях у Кузнецова. Его беседы с подопечными резко отличались от творческих уроков Владимира Кострова, Станислава Куняева, Эдуарда Балашова, на занятия которых, с их разрешения, я тоже заглядывал. Например, Юрий Поликарпович скептически оценивал таланты женщин-поэтов. Что уж говорить о скромных представительницах женской лирики прошлых и нынешней эпох, если Кузнецов осыпал критическими стрелами даже Анну Ахматову...

Как-то во время праздника “Сияние России” я зашёл в гостиницу провести московских писателей, уже “отстрелявшихся” днём в одной-двух встречах с читателями и оказавшихся свободными вечером. На первом этаже у стойки администратора стоял Юрий Поликарпович. Под мышкой у меня была собственная книжка, которую я как раз хотел (впервые!) подарить Кузнецову. Представилась возможность поговорить с поэтом.

– Тут, рядом с гостиницей, есть магазин “Океан”, хочу угостить тебя копчёным омулем под рюмочку... – подступился я.

Кузнецов согласился. И мы засели в тихой комнате гостиницы.

Юрий Поликарпович слыл человеком, который не занижает себе цену. Он мог бы сказать, как Есенин: “Я о своём таланте много знаю”. Едва я собрался вывести на своём сборнике первое слово автографа, Кузнецов предупредил с напускной серьёзностью:

– Только не пиши: “знаменитому”, “великому”, “лучшему”.

– А я и не собирался, – в тон ему ответил я.

Сам он подписывал свои книги с подчёркнутой сухостью. На четырёх-пяти его сборниках, хранящихся у меня, он неизменно писал: “Такому-то на память”, или “на дружбу”, а то и короче: “Такому-то от автора”.

Минуты текли, хотелось какого-то важного, серьёзного разговора. Кузнецов его, конечно, не начал бы: с какой стати в гостях философствовать, наставлять...

Я развязал язык:

– Ты написал в предисловии к одной своей книге, что недолго увлекался метафорой и круто повернул к многозначному символу. Я понимаю, что иной поэтический образ может звучать как многозначный символ. Например, в твоём стихотворении:

*Но рваное знамя победы
Я вынес на теле своём.*

*Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.*

Тут “рваное знамя победы” – не только удачно найденная метафора, а действительно художественный символ. Таким знаменем можно латать и прохудившиеся русские дали, и разорванную ткань нашей истории. Но можно ли каждое стихотворение построить на многозначном символе? Много ли таких сочинений в русской классической поэзии?

– А возьми стихотворение Лермонтова “Благодарность”, – поднял тяжело-ватый взгляд Юрий Поликарпович и монотонно прочитал от начала до конца:

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был.
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.*

– К кому обращается автор? К Богу? К судьбе? К подлому року? А у Тютчева “О чём ты воешь, ветер ночной?”, – Кузнецов бесстрастно произнёс строку за строкой:

*О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?*

*Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..*

*О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!*

*Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..*

— Обычная метафора валяется на дороге, — продолжал он. — Любой мастер может поднять её, сдуть пыль и преподнести читателю.

*Я нарочно иду нечѣсанный,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потёмках освещать, —*

сухо, но выделив интонацией несколько слов, продекламировал он Есенина. — Неужели нужен великий талант, чтобы придумать это?

Он побивал меня в невольном споре. Но сдаваться не хотелось, и я выложил ещё одно рассуждение, к которому пришёл давно, читая стихи Кузнецова:

— Каждый великий поэт — творец оригинальной лиричности. Она есть в стихах Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, Есенина. Фет, например, в этом смысле неподражаем. Он окрасил свои стихи такой сентиментальностью, которая вроде не к лицу мужчине. Но понимаешь: поэт обращается к душе очень тонкой, развитой, подлинно поэтической. Практичный человек посмеётся над Фетом... Свою мету имеют лирические голоса Рубцова и Передреева... В твоих же стихах я не нахожу мощного лирического потока, они суховаты, философски аскетичны. Но поэзия вся держится на чувстве, и чем больше оно похоже на огненную лаву любви, страдания, тем сильнее, неотразимей действует на читателя. В нынешней лирической поэзии едва ли правомерно заявление:

*Звать меня Кузнецов. Я один.
Остальные обман и подделка.*

— Другие пишут для читателя, а я для вечности, — шутя, как взрослый в детской игре, отмел он мои доводы. — Лукавцы выбирают гениев на час. А для вечности гений тот, кого она поцелует. Ты говоришь про огненную лаву, а я выбрал в собеседницы её, мудрую, улыбающуюся над нашими страстями.

В коридоре зашумели, в комнату ввалилась писательская орда, оглашавшая в тот вечер какую-то библиотеку города. Пришлось спуститься с горной вершины...